

УДК|UDC: 778.5

DOI: 10.24412/2618-9313-2022-118-16-20

Дина Мусатова об Андрее Тарковском

ГОЛУБЕВ А. Б., ИНТЕРВЬЮ, ПОДГОТОВКА ПУБЛИКАЦИИ

Для цитирования

[Голубев А. Б. интервью, подготовка публикации] Дина Мусатова об Андрее Тарковском // Телекинет. 2022. N 1(18). С. 16-20.

Сведения об авторе

Голубев Алексей Борисович, ORCID ID: 0000-0001-8387-742X, киновед, сценарист, главный редактор интернет-проекта «Музей ЦСДФ», Москва, Россия.

agpost@yandex.ru

Аффилиация

Интернет-проект «Музей ЦСДФ», Москва, Россия.

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Аннотация

Беседа главного редактора сайта «Музей ЦСДФ» Алексея Голубева и режиссера Д. Мусатовой состоялась в ноябре 2018 г. Мусатова Дина (Владилена) Михайловна — театральная актриса, режиссер-документалист. В 1954 году поступила на режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Михаила Ромма), который окончила в 1960 году. Сокурсниками В. М. Мусатовой по ВГИКу были — А. Тарковский, И. Рауш-Тарковская, В. Шукшин, Ю. Файт, А. Митта, В. Китайский, А. Гордон. С 1960 по 1991 г. — режиссер Центральной студии документальных фильмов (ЦСДФ).

В 1966 году Дина Мусатова сняла документальный фильм «Три Андрея» (ЦСДФ, оператор А. Кочетков). Эта кинолента рассказывала о создании фильма «Андрей Рублев» и творческом поиске его главных авторов — Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского. Это кинокартина не была выпущена на широкий экран. Впервые она был показан в начале перестройки в Доме кино во время ретроспективного показа фильмов Андрея Тарковского. Многие кадры из этой картины, запечатлевшие выдающегося режиссера, сегодня стали хрестоматийными.

Ключевые слова

Тарковский, Мусатова, Три Андрея, документальное кино СССР, авторское кино

Благодарности

Благодарим Е. В. Бойкову (литературное редактирование) за помощь в подготовке материала.

Dina Musatova Speaks about Andrey Tarkovsky

GOLUBEV, A. B., INTERVIEW, PUBLICATION PREPARATION

For Citation

Golubev, A. B. Dina Musatova Speaks about Andrey Tarkovsky. *Telekinet*, 2022, n 1(18), p. 16-20.

About the contributor

Golubev, Alexey Borisovich, ORCID ID: 0000-0001-8387-742X, film critic, screenwriter, editor-in-chief of the Internet project “Museum of the CSDF”, Moscow, Russia.

agpost@yandex.ru

Affiliation

Internet project “Museum of the CSDF”, Moscow, Russia.

Abstract

The conversation between Alexey Golubev, the editor-in-chief of the CSDF Museum website, and the film director Dina Musatova took place in November 2018.

Dina (Vladilena) Mikhailovna Musatova is a theatre actress and documentary filmmaker. In 1954, she enrolled into the directing faculty of VGIK (Mikhail Romm's class), from which she graduated in 1960. Musatova's fellow students at VGIK were A. Tarkovsky, I. Raush-Tarkovskaya, V. Shukshin, Yu. Fait, A. Mitta, V. Kitaisky, A. Gordon. Between 1960 and 1991, she was a director at the Central Documentary Film Studio (CSDF).

In 1966, Dina Musatova made the documentary film *The Three Andreys* (CSDF, director of photography Alexander Kochetkov). This film was about the creation of the film *Andrey Rublev* and the creative search of its main authors — Andrey Tarkovsky and Andrey Konchalovsky. The film was not released for the general public. It was first shown at the beginning of *perestroika* in the Cinema House during a retrospective show of Andrey Tarkovsky's films. Many of the shots from this film which depict the outstanding director have become canonical today.

Keywords

Tarkovsky, Musatova, *The Three Andreys*, documentary cinema of the USSR, auteur cinema

Acknowledgments

We thank E. V. Boykova (literary editing) for her help in preparing the material.

А.Г.: Когда Вы впервые увидели Андрея Тарковского?

Д.М.: Мы встретились во ВГИКе в 1954 году. В то время Михаил Ильич Ромм набирал мастерскую. И мне повезло попасть в эту мастерскую. Если говорить о студентках, то на нашем курсе помимо меня была Ирма Рауш. Андрей в шутку придумал нам такое прозвище — «роммовые бабы». А еще на курсе была эстонка, поступившая по направлению, и иностранка — гречанка Марика Бейку. Знакомство с Андреем произошло быстро, и он мне чисто по-человечески очень понравился. К тому времени я была замужем, уже имела диплом актрисы и определенный стаж работы. Я была старше Андрея на 7 лет. До ВГИКа он тоже учился в другом институте.

А.Г.: Он учился на арабском отделении в Московском институте востоковедения.

Д.М.: Да учился, но не закончил. Я же пришла во ВГИК с актерским дипломом. И так, Андрей мне очень понравился, он был элегантен, аристократично себя держал. Помню, как он первым ко мне подошел и спросил: «Слушай, это твой сценарий напечатали в газете?» Я говорю: «Какой?» Оказывается, что тот сценарий, который я, как и другие абитуриенты, писала на вступительном экзамене, был напечатан в газете «ВГИКОВЕЦ». А я и не знала. Андрей мне показал газету и сказал: «Как тебя угораздило комедию написать?» Я говорю: «От отчаяния». Это действительно случайно получилось, я не собиралась никакую комедию писать. Но это отдельный рассказ. Мне было приятно, что Андрей такой внимательный, что он похвалил меня за этот сценарий. И мне сразу стало очень легко, настолько легко, что мы с ним даже рядышком сели. И как-то так пошло... Он говорит: «А какое у тебя хобби?». Я отвечаю: «Не знаю, хотела бы продолжить свои занятия по фехтованию». Дело в том, что в Щепкинском училище, когда я там училась, был такой предмет — фехтование. Мне он очень нравился. А во ВГИКе фехтование было необязательным, хотя секция такая была. И Андрей говорит: «О, и я туда хочу!» И мы вдвоем, если так можно выразиться, поперлись на фехтование. Я так иронически говорю, потому что кроме нас там никого не было. Это были часы режиссерского факультета. Почему-то остальные студенты-режиссеры проигнорировали этот предмет. Мы пришли в секцию, сидим и думаем, что же нам делать? А педагог говорит: «Ну что же, попробуем вас вдвоем. Хотя так не полагается. Надо, чтобы женщина фехтовала с женщиной, а мужчина — с мужчиной. У Вас есть опыт еще со времени учебы в театральном училище. Правда, у Тарковского такого опыта нет, но он мужчина, как бы сильнее. Давайте мы поставим вас вдвоем». Мы посмеялись и стали заниматься. И так это было увлекательно, и так все легко получалось, просто очаровательно! Я вспоминаю и уверена, что Андрей тоже к этому относился, как к очень милому времяпрепровождению. И мы иногда, встречаясь в коридоре, говорили «ан гард», т.е. «к барьеру». Короче говоря, мы вместе занимались в этой секции и делали определенные успехи. Нас даже хотели направить в Ленинград, как подающую надежду пару фехтовальщиков. Но мы отказались.

А.Г.: Что значит направить в Ленинград?

Д.М.: Мы уже участвовали в соревнованиях творческих ВУЗов. И нас оттуда хотели направить на турнир в Ленинград на дальнейшее, так сказать, повышение. Но мы решили не ехать. И правильно сделали. Потому что по возрасту... мы были уже, сами понимаете, гораздо старше других, а все эти люди, которые приходили после нас, это были мальчики и девочки, только что окончившие школу. Не хотелось там выглядеть «стариками». Мне было 27, Андрею меньше, но мы все равно как-то неловко себя чувствовали среди более молодых. Короче говоря, фехтование мы забросили. Но остались очень приятные, милые воспоминания об этом времени.

А.Г.: Ну а как он вел себя во время обучения?

Д.М.: Такая деталь. Нам во время учебы на курсе Ромма постоянно показывали разные хорошие фильмы. И это было очень интересно. Мы понимали, что многие из этих фильмов мы не увидим нигде. В большой аудитории всегда набивалась масса народа. Андрюша часто садился рядом со мной, и это было невыносимо. Объясню: идет кино, я смотрю как заинтересованный зритель, со всей отдачей, со всеми переживаниями и так далее... А он сидит и бубнит: «Так, двойная экспозиция, наплыв... ага», и все время анализирует подоплеку кадров на экране. Я спрашиваю: «Как ты это можешь?» Он говорит: «Я учусь профессии». Это меня совершенно потрясло. Я попробовала смотреть и анализировать, как он, но у меня ничего не вышло. Я все равно продолжала смотреть эмоционально. Но потом мы обменивались мнениями, что и как. Короче говоря, у нас были хорошие отношения, будто мы тысячу лет знакомы. Он приглашал меня к художникам, в какие-то подвалы. Это были неформалы, так сказать, неформальные художники. С ними было очень интересно, но я не могла часто туда с ним ходить, потому что у меня был дом, был муж, которого я обожала. Это был король — безумно талантливый режиссер, фронтовик от первого до самого последнего дня войны — до разгрома Японии. Этого человека звали Семен Туманов-Цейтлин, с ним я прожила 27 лет. Он, к сожалению, рано ушел от нас. Очень талантливый был человек, но это уже отдельный рассказ.

Здесь я хочу сказать, что тогда моя основная жизнь проходила дома. А во ВГИКе я просто получала образование, осваивала профессию режиссера.

А.Г.: Скажите, Андрей делился с Вами впечатлениями от прочитанных книг? Какие у него были пристрастия в области литературы, живописи?

Д.М.: Конечно, это все было. Он был, что называется, мой человек. Как известно, у нас на курсе учился Шукшин. С ним я никогда не дружила. Хотя понимала, что он талантливый. И снимала даже его. Но с Андреем мне было очень легко, очень славно. И никто не предполагал, что со временем он станет великим Тарковским. Никто не знал, естественно, тогда... На первом курсе у Андрюши были неважные оценки. Чуть ли не тройка была по режиссуре, потому что он начал экспериментировать, начал снимать что-то невразумительное о каком-то пьянице-забудлыге.

А.Г.: Это было документальное кино?

Д.М.: Нет, Андрей работал с каким-то актером. Ведь мы же учились на режиссеров игрового кино. И он в этой работе что-то намудрил. Тогда он еще не был тем Андреем Тарковским, которым потом стал. Но уже сейчас, прожив жизнь, я понимаю... и, возможно, до конца не понимаю, каким разносторонним одаренным был этот человек с самого начала. Во-первых, он все время искал, настойчиво и искренне это делал. Хочу сказать, что для своего возраста он был безумно одаренным актером, первое впечатление от него — мальчишка, задорный, хулиганистый, дальше — пижон, всегда очень модно одетый... очень! И как он умудрялся доставать такие модные вещи, до сих пор не понимаю. Помню его аристократичность и то, что при этом он умел поставить на место кого угодно. Потом он стал играть разные роли в учебных фильмах и постановках. Как будущие режиссеры, мы изучали основы актерского мастерства, Мы разыгрывали этюды, сцены, учились их снимать, ну и так далее, сами понимаете... И во всех этих ипостасях Андрей проявлял себя удивительно. Меня потрясло, как он, практически мальчишка, играл возрастные роли. Помню, я ставила отрывок из «Войны и мира». Княжну Марью играла Ариадна Шенгелая с актерского курса. Андрей же предстал в роли старого князя Болконского и делал это потрясающе. Без грима, без костюма. Без ничего. Он абсолютно попадал в эту роль — старого князя. Все были потрясены. Как? А вот так! Дальше уже я снимала его для своей учебной работы по Грэму Грину «Тихий американец», он играл журналиста Фаулера, тоже возрастная роль...

А.Г.: Курсовая работа?

Д.М.: Да. Это была уже съемка. Синхронная. И я сохранила эту пленку, потому что он играл потрясающе. Опять же, вот этот мальчишка на глазах преображался в мудрого, хитрого персонажа, сами понимаете, что такое Фаулер. Это меня поражало, потому что я не понимала, как он это делает.

Кстати, однажды кто-то из наших ребят снимал Андрея и меня в одной работе. По Чехову, название забыла. И там тоже у нас были возрастные роли. Со мной все ясно. На тот момент я была старше многих, понятно, кроме того, я еще и профессиональная актриса. А он — мальчишка, опять же был совершенно иной, в роли полностью преображался. Вот это меня всегда поражало в нем.

А.Г.: Сделаем небольшое отступление. Вашим наставником и учителем был Михаил Ромм. Какие черты его характера запомнились Вам?

Д.М.: Мы все его обожали. Боготворили. Все, что он нам говорил — было потрясающим. И ни одной лекции он никогда не пропустил за всю нашу учебу. Если он уезжал, скажем, в Америку, и пропускал какую-то лекцию, то потом обязательно к ней возвращался.

Это был мастер в смысле учебы (преподавания) совершенно немыслимый. Что же касается его пристрастий, хочу сказать следующее: он не делал никаких различий между нами и иностранцами, между мужчинами и женщинами. Все были равны. Хотя за кулисами известно было, что он буквально выхаживал Шукшина, можно сказать. Именно Ромм заставил его писать рассказы. И помогал ему всячески. Это не было исключением — он и другим людям помогал. И внимательно следил за каждым, даже после окончания института. Я помню, мы с мужем пришли на просмотр его фильма «Девять дней одного года». К тому времени я уже давно окончила ВГИК. И вот мы подошли к Михаилу Ильичу. Он посмотрел на меня и говорит: «Ну, как ни откроешь газету, все Мусатова!» А я ему в ответ: «Ваша школа, Михаил Ильич».

А.Г.: По поводу Андрея Тарковского. Вы говорили, что вначале не все у него получалось в плане режиссуры. Но в конце учебы он все же смог выйти на другой, весьма высокий уровень?

Д.М.: Во время учебы мы очень много получили от Михаила Ильича и от того, что мы делали на его курсе. Я хорошо помню его слова: если на курсе есть два талантливых человека, то курс — в порядке. Безусловно, у нас на курсе было талантов больше, чем два... Хотя все обычно вспоминают только Тарковского и Шукшина. Конечно, у них волей-неволей возникали какие-то противоречия, споры. Чувствовалось, кто из сокурсников ближе к Васе, а кто — к Андрею. Лично я была абсолютно предана Андрею и не только потому, что мы много общались, просто по складу своему Тарковский был мне более близок. Кроме того, он был очень современным человеком. Его способности, его талант — все это стало чувствоваться после третьего курса, когда пошли его курсовые (и дипломная) работы, которые даже сейчас не утратили смысла и художественного значения. А когда вышло «Иваново детство» — я была в восторге от этого фильма! Нельзя было не восторгаться. И когда через несколько лет мне предложили сделать на ЦСДФ по заказу французского телевидения фильм о молодых режиссерах, я сразу сказала — Тарковский. А наш главный редактор говорит: «Там же написано о молодых режиссерах, надо хотя бы о двоих». Я моментально сообразила, что вторым героем станет Кончаловский. Дала согласие, и так на свет появился документальный фильм «Три Андрея». Героями этой кинокартины, кроме самого Тарковского, стали его соавтор по сценарию Андрей Кончаловский и великий иконописец Андрей Рублев — работа над знаменитым фильмом была тогда в самом разгаре. Каким-то образом худсовет все мои задумки утвердил, и я с большим удовольствием снимала фильм «Три Андрея». С Тарковским мы встретились как старые друзья, хотя эта встреча и состоялась после большого перерыва. Как он был, так и остался «моим человеком». И я по-прежнему была для него, как бы это сказать — «человеком его круга». Наверное, поэтому и работали мы с ним очень легко и быстро.

А.Г.: Мне кажется, что проход Андрея Арсеньевича по Москве, снятый Вами, невероятно выразителен. В этом проходе весь Тарковский — стремительный, нервный, мгновениями полностью погруженный в себя. Но одновременно с этим он то

и дело с интересом разглядывает реальность вокруг себя, даже заглядывается на молоденьких девушек ... одним словом, подробный психологический портрет в одном проходе, который длится всего-то 50 секунд.

Д.М.: В Тарковском совмещалось такое количество человеческих качеств, иногда редких и даже поразительных... Во время этих встреч я была поражена глубиной его мысли, его невероятной серьезностью. Я же помню, как во ВГИКе он наяривал в перерывах между лекциями на пианино, а студенты в этот момент веселились и танцевали, как занималась с ним фехтованием. Короче говоря, в ходе съемок «Трех Андреев» он предстал передо мной невероятно зрелым человеком и очень серьезным художником. Конечно, работая над «Андреем Рублевым», он был безумно занят и буквально вырывал время для моих съемок. Поэтому долго общаться мы, к сожалению, не могли. Так было и дальше... После его ухода я как-то особенно близко подружилась с его первой женой Ирмой Рауш-Тарковской. И мы до сих пор общаемся.

А.Г.: Скажите, действительно ли в своем творчестве он был человеком абсолютно бескомпромиссным? Можно ли было его в чем-то переубедить? Или склонить к компромиссу?

Д.М.: Нет, это было совершенно исключено. Он добивался своего даже в мелочах. Казалось в этом маленьком фильме «Три Андрея» он вроде бы подчинялся мне как режиссеру, но чувствовалось, если что-то не так, то он в любой момент встанет на дыбы. Так было смешно... Однажды мы снимали у него в монтажной, я открыла шкафчик, где лежали его коробки с пленкой, и увидела на дверце, закрывающей этот шкафчик, роскошный портрет Брижит Бардо. «О, Андрей, у тебя ББ тут. Нравится?» Он говорит: «Да, абсолютно, вплоть до увода». Мы, конечно, посмеялись... Он очень нежно относился к женщинам, как-то очень по-рыцарски...

А.Г.: Про Тарковского говорят, что он был влюбчивым человеком. Это действительно так?

Д.М.: Да, влюбчивый. И это было очень по-тарковски, то есть красиво. Все, что он делал, было красиво. Я не идеализирую его, но тем не менее. К великому сожалению, у меня пропали пленки, которые я хранила в своем архиве. Там он играл Фаулера, и там мы вместе с ним снимались. Ничего не сохранилось по очень простой причине. Я слишком доверчивый человек. В конце 80-х годов я работала в одной из монтажных комнат ЦСДФ, где было два стола. В то время Сокуров попросился к нам на студию что-то монтировать, и ему дали второй стол в этой монтажной. Мы познакомились. И вот он говорит мне, что интересуется Тарковским и собирается о нем снять документальный фильм. А потом спрашивает, нет ли у меня каких-либо пленок студенческих времен, чтобы их скопировать и использовать в будущей картине. О чем разговор! На следующий день я привезла целый кофр, множество коробок, все, что у меня было. Положила их на полку, а когда пришла на следующий день, то там было пусто... пусто и по сей день.

Как мне рассказали, Сокуров неожиданно уехал в Ленинград и забрал не только свои коробки, но и мои.

А.Г.: Правда, через некоторое время Сокуров все-таки сделал документальный фильм о Тарковском...

Д.М.: Я его не смотрела. Что же касается моих материалов, то Сокуров, возможно, их потерял или выбросил. Я не знаю. Бог с ним. Не хочу об этом говорить.

А.Г.: Что Вас еще поражало в Тарковском?

Д.М.: Его своеобразная детскость, искренняя, поразительная. Мальчишеская, совершенно покоряющая. Он сохранил ее даже в конце жизненного пути, когда пережил немало трагических событий, и это при его невероятной ранимости, при его чуткости. Даже не представляю, как это все можно было пережить...

А. Г.: При этом такая глубина познания мира. Это и мое ощущение, и ощущение многих студентов-киноведов, с которыми я учился. Помню, нам в первый раз показали «Зеркало». Мы ведь все разные были, разного возраста, разные биографии у всех. Кто-то из рабочей семьи, кто-то из семьи кинематографистов, но у каждого было ощущение... будто «фильм «Зеркало» делал Я». Наверное, потому что Тарковский нашел архетипы человеческой памяти. Дом в лесу — это не просто воспоминания из его детства, возникало ощущение, что в этом доме провел детство каждый из нас. Более того, его сны и детские образы казались узнаваемыми, созвучными нашим воспоминаниям...

Д.М.: Совершенно верно, Андрей в смысле психологии, в смысле погружения в душу человеческую, был немислимо глубок.

А.Г.: Земная жизнь в воспоминаниях существует уже вне времени, в вечности где-то растворилась. Это просто поразительно. На YouTube представлены все его фильмы и фрагменты из них. И люди из разных стран на разных языках пишут, что Тарковский — это гений, это режиссер режиссеров, то, как он творил, лежит за пределами понимания. И недаром Вим Вендерс посвятил свой знаменитый фильм «Небо над Берлином» в том числе и Андрею Тарковскому — «человеку, который видел ангела». Есть гениальные режиссеры, знаменитые режиссеры — Феллини, Антониони, Бергман, этот список можно продолжать. Но не покидает ощущение, что именно Тарковский пришел в наш мир с какой-то особой миссией, и в этом его отличие от других мастеров кино.

Д.М.: Вот и я считаю, что Тарковский — это явление совершенно уникальное, в котором совмещалось все — и земное, и небесное. И очень больно, что так трагически он подошел к своему концу. Потому что в этом человеке столько было заложено (вздыхает).

А.Г.: При каких обстоятельствах Тарковский получил первый фильм?

Д.М.: Когда худсовет Мосфильма увидел, что материал «Иванова детства» (начинал его снимать режиссер Э. Абалов. — Прим. ред.) очень слабый, и фильм не получается, его руководство обратилось к Михаилу Ильичу Ромму с просьбой посоветовать, кто бы смог сделать за очень короткий срок и за очень маленькие деньги фильм, который спасет студию. Михаил Ильич тут же ответил: «Тарковский!»

А.Г.: Удивительно, что Ромм рекомендовал именно его, а не Шукшина или Кончаловского, например. Видимо он уже очень хорошо чувствовал Тарковского как режиссера, как художника.

Д.М.: Конечно. Он не мог его не чувствовать. Я помню, как Михаил Ильич приехал из Америки и рассказывал нам о своих впечатлениях. Неожиданно Андрей совершенно с детской наивностью выпалил: «Михаил Ильич, а Вы там сшили этот костюм?» Ромм встрепенулся: «Да, там. А что?» Тарковский ему: «Просто костюм не совсем модный. Почему Вы не сшили его по последнему слову моды?» Михаил Ильич улыбнулся и сказал: «Человеку в моем возрасте неприлично очень модно одеваться. Надо чувствовать, в каком направлении идет мода и только».

А.Г.: Вы помните, у нас на студии работал КирВас — Кирилл Васильевич Никитин, старейший звукооператор. Так вот он рассказывал мне такую историю. Кирилл Васильевич дружил с известным художником-графиком Алексеем Шмариновым, с тем самым, который русских классиков иллюстрировал. И вот однажды на своей даче Шмаринов познакомил его с Тарковским. Андрей Арсеньевич говорит: «Вы меня, наверное, не помните, Кирилл Васильевич, а ведь я в некотором смысле Ваш ученик...». Оказалось, что в конце 1940-х годов Кирилл Васильевич вел кино-кружок в Доме пионеров. И одним из его подопечных был совсем еще юный Тарковский. В конце концов, Кирилл Васильевич вспомнил его и в разговоре со мной дал юному гению такую характеристику: «Это был худенький и очень подвижный мальчик с большими ушами. Он постоянно вертелся, сидя за столом, и задавал наивные вопросы».

Д.М.: Я хорошо знала Кирилла Васильевича, но об этой истории не слышала.

А.Г.: И еще такой момент. Недавно в одном из документальных фильмов о Тарковском Бурляев и Кончаловский в один голос говорили, что Андрей был душой компании, остроумный, щедрый, веселый, но все резко изменилось, когда он во второй раз женился. Новая супруга жестко и решительно оградила его от друзей.

Д.М.: Я считаю, что это была, так скажем, ошибка Андрея. С точки зрения его самого, наверное, ему так было удобно и даже комфортно жениться на этой даме (Ларисе Кизиловой). На самом же деле это было ужасно. Эта дама была не из его круга, но она умела ему угодить. И этим, собственно говоря, и взяла. До этого Андрюша был женат на Ирме (Рауш-Тарковской), и жили они очень весело. Есть деньги — хорошо, нет денег — ну и ладно. Если почитать ее воспоминания и послушать ее рассказы, многое становится понятным. И они действительно друг другу подходили по всем статьям. И все, кого я знаю, были просто потрясены, когда Андрей женился на этой женщине, на Ларисе. Она, как пиявка, вцепилась в него. И это было, как Вам сказать... мне не хочется говорить плохих слов, но, во всяком случае, с точки зрения его близких друзей — это было ужасно.

А.Г.: Говорят, что она ему уют создала домашний. Отгородила его от бытовых проблем.

Д.М.: Совершенно верно. Она избавила его от быта. И это его в какой-то степени, видимо, сломало. В том плане, что Андрей согласился на ней жениться.

А.Г.: Тот же Бурляев вспоминает, будто она внушила ему, что шумные компании, друзья — это все ему не нужно, они отвлекают его от главного дела жизни... «Ты — гений, ты должен это понимать, а вся эта суета, друзья только мешают тебе творить, поэтому не надо разбрасываться».

Д.М.: Да. Я бы сказала, что это была странная пара. Но, с другой стороны, Андрей был настолько не приспособлен к быту, каким-то житейским мелочам, бытовым вещам. Видимо, он был очень благодарен ей за то, что она все это взяла на себя.

А.Г.: Известно, что Тарковского женщины воспитывали, мама и родственницы. А это накладывает свой отпечаток. Психологи считают, что такой мужчина менее самостоятелен по жизни. Кстати, в фильме «Зеркало» этот момент тоже присутствует. Там главный герой объясняет бывшей жене, почему он такой нерешительный: «Меня же женщины воспитывали».

Д.М.: Не знаю...

А.Г.: Хотя мать он очень любил и уважал.

Д.М.: К матери он очень хорошо относился, но отца буквально боготворил, это уж точно, потому что его стихи во многих фильмах использовал. Всегда отзывался о нем очень трогательно.

А.Г.: Это, конечно, трагедия, что отец пережил сына. Помню, в институтской газете «Путь к экрану» писали, что, когда Андрей Арсеньевич умер, во ВГИК пригласили его отца, чтобы показать ему фильм «Жертвоприношение». Он пришел на просмотр со своей женой Татьяной Озерской, и кроме них в зале практически никого не было. Арсений Тарковский смотрел фильм и плакал.

Д.М.: Да, между ними была большая эмоциональная связь.

Пауза.

А.Г.: Огромное спасибо за интересный рассказ. Если Вам удастся еще что-то вспомнить, мы всегда сможем вернуться к этой теме.